

Маленький бессмертный господин происходил из знатного рода, а его духовный корень был чист и безупречен, подобно нефриту-сырцу, — лучшая основа для постижения пути меча. Полноправно рассуждая, никто не усмотрел бы ничего предосудительного в том, чтобы Вэйцы-цзюнь стал его наставником.

Однако...

— Что-то я не припомню, когда ты успел обзавестись учеником, — Пэй Таньцзы крепче сжал в пальцах кубок. Его взгляд казался еще более холодным и прозрачным, нежели плескавшееся в чаше вино. — Если ты действительно намерен принять маленького бессмертного господина под свое крыло, вам надлежит как минимум совершить обряд поклонения наставнику. Вот закончится пиршество, и через пару дней я официально дарую вам статус учителя и ученика.

Почтенный Хуачэнь не возражал. Да и с чего бы ему противиться?

То, что по прошествии целого века Лян Сюань вновь решил взять ученика, доказывало: образ Син И наконец начал стираться из его памяти. Мертвец не был незаменим. В конце концов, они принадлежали к слишком разным мирам, чтобы когда-либо сойтись на одном пути.

— Ты ничего не попутал? — Лян Сюань резко повернул голову, он опасно помрачнел. — Какое отношение мое ученичество имеет к тебе? С какой стати ты лезешь не в свое дело?

Произнося это, он не сводил глаз с рук Пэй Таньцзы, готовый в любую секунду уклониться, если тот вновь попытается наложить на него заклятие молчания.

Дерзкая, граничащая с безумием выходка заставила глав орденов опешить. Но стоило пальцам Пэй Таньцзы шевельнуться, как Лян Сюань широко улыбнулся ему — безумно, до жути оскалив зубы.

Пэй Таньцзы замер. Его взгляд медленно опустился к шее бывшего ученика.

Лян Сюань сжимал в пальцах серебряную нить — настолько тонкую, что в полумраке зала ее было почти не разглядеть. Лишь едва заметные, переливающиеся на ней искры выдавали страшную правду: струна была пропитана смертоносным ядом. Стоило ей хотя бы слегка оцарапать кожу, как человек испустил бы дух прежде, чем прольется первая капля крови.

Острейшая нить замерла в волоске от бледного горла Лян Сюаня. Намек был более чем прозрачен — шантаж собственной жизнью: «Попробуй только заткнуть мне рот, и твой любимый ученик тут же отправится к праотцам».

Присутствующие явно не ожидали столь яростного столкновения. С дружным шурхом шелковых одежд заклинатели повскакивали со своих мест. Заклинатели в испуге переводили взгляды от смертоносной нити к безмятежно улыбающемуся Вэйцы-цзюню.

— Младший брат! — вскричал Цюй Цинъюэ.

— Вэйцы-цзюнь, да что вы... что вы творите?! — Горный мастер Цинь в волнении подался вперед, отчего его тучный живот заколыхался в такт испуганному голосу.

— Неужели непонятно? — Лян Сюань даже не удостоил его взглядом. Не выпуская ядовитой нити, он медленно отступал назад шаг за шагом, увлекая за собой подошедшего Шэнь Гумина. — А теперь слушайте меня внимательно. Я явился на это сборище вовсе не для того, чтобы выслушивать ваш бред о бесчинствах демонов и прочей чуши. Скажу прямо: мне до этого нет никакого дела. Моя цель здесь проста — я покидаю школу Цинсяо.

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

— Что... что ты такое говоришь? — выдохнул Цюй Цинъюэ, он был потрясен.

— Ровно то, что сказал, — отрезал Лян Сюань.

Ровно то, что сказал. Покинуть школу Цинсяо. Навсегда уйти из ордена.

На безупречном лице Пэй Таньцзы впервые проступили багровые сполохи гнева.

— Вэйцы! Ты хоть понимаешь, какими словами бросаешься?!

— Я не выжил из ума и не бредил, так с чего бы мне не понимать? Или у тебя ума не хватает уяснить простую фразу? — Лян Сюань небрежно оперся ладонью о плечо маленького бессмертного господина, приняв свою излюбленную расслабленно-вальжную позу. — Ваша школа Цинсяо — великая обитель праведного пути, ее величие незыблемо. Уж как-нибудь переживете потерю одного заштатного Вэйцы-цзюня. Или без меня ваш колосс на глиняных ногах рухнет?

— Ты прекрасно знаешь, что меня волнует вовсе не это! — ледяным тоном оборвал его Пэй Таньцзы.

— Вот как? И что же тогда? Просвети убогого, а то я умом недорос, — Лян Сюань насмешливо прищурился. — Все, чем ты дорожишь — это репутация и величие школы Цинсяо. Ты нацепил маску отрешенного небожителя, скинув все заботы на плечи Цюй Цинъюэ, но я-то знаю: за эти пустые звания ты готов глотку перегрызть.

— Я твоей... — начал было Пэй Таньцзы.

— Да не заикайся ты про свое наставничество! — рявкнул Лян Сюань, и в его глазах промелькнула неприкрытая ненависть. — Сука, меня до сих пор трясет, стоит вспомнить! Если

тебе так плевать на чужое мнение, какого черта вы заколотили меня в гробу на целую сотню лет, лишив малейшей возможности выбраться, а всему честному люду объявили, будто Вэйцы-цзюнь ушел в глубокую медитацию ради возвышения?!

Он смотрел лихорадочно, с пугающей яростью. Пальцы, лежащие на плече Шэнь Гумина, судорожно сжались, сминая ткань одеяния.

Шэнь Гумин молча поднял руку и накрыл его дрожащую ладонь своей, мягко поглаживая пальцами тыльную сторону.

После великой битвы между праведниками и демонами Вэйцы-цзюнь бесследно исчез. Орден Цинсяо объявил, что его духовные каналы повреждены и ему требуется вековое затворничество для восстановления сил. Весь мир заклинателей безоговорочно поверил в эту благочестивую ложь. Ни один человек и помыслить не мог, какая грязная тайна скрывалась за ширмой праведности.

— Что?.. Заколотен в гробу на сто лет? — Глава павильона Лу растерянно переводила взгляд с Лян Сюаня на Пэй Таньцзы. — Но ведь орден во всеуслышание заявил, что Вэйцы-цзюнь ушел в затворничество... Как же так вышло, что?..

— Затворничество? — Лян Сюань злобно усмехнулся. — Если бы все было так гладко. Наш досточтимый патриарх готов состряпать любую сказку, лишь бы поддержать угасающую славу своего хваленного ордена. Вы ведь до смерти перепугались, что весть о моей гибели подорвет авторитет школы Цинсяо и ослабит ваше влияние, верно? Впрочем, не переживай, великий учитель. Зла я на тебя не держу. Почтенный Хуачэнь, великий мастер стадии Великого Совершенства! Кто в поднебесном мире осмелится бросить тебе упрек? Кому под силу хотя бы пошатнуть твой трон? Куда уж мне, убогому, тягаться с тобой. Все, что со мной стряслось — моя личная глупость. Сам доверился, сам ослеп, сам залез в эту петлю. Поделом мне!

— Вэйцы, довольно! — с болью в голосе выкрикнул Цюй Цинъюэ, его лицо исказилось от напряжения.

— Я скажу тебе раз и навсегда, — Лян Сюань даже не повернулся к нему. — Смерть Син И я тебе не прощу до конца своих дней. Можешь даже не пытаться оправдываться. Ты прекрасно помнишь каждый свой шаг, каждую подлость. Не утруждай себя новой ложью — я больше не тот наивный юнец и уж точно не слабоумный, чтобы верить твоим басням.

Пальцы Пэй Таньцзы судорожно сжались на рукояти кубка, но через миг он заставил себя разжать их.

— Вэйцы, Син И был всего лишь презренным демоном, порождением тьмы. Тебе не следовало якшаться с этим отребьем, а уж тем более питать к нему...

— От твоих речей тошнит даже сильнее, чем от рожи Лу Могуя, — оборвал его Лян Сюань.

Короткое, брошенное без тени страха оскорбление мгновенно сорвало маску безразличия с великого старейшины. Почтенный Хуачэнь, привыкший взирать на смертных со своего недостижимого пика, пришел в ярость. Стоило ему взмахнуть широким рукавом, как по залу прокатилась сокрушительная волна духовного давления. Присутствующие заклинатели покачнулись и попятились, спешно выставя защитные барьеры.

Лян Сюань даже не дрогнул, приняв этот сокрушительный удар на грудь. В горле вскипела горькая кровь, но когда в следующее мгновение стальные пальцы Пэй Таньцзы мертвой хваткой сомкнулись на его шее, на бледном лице Лян Сюаня не отразилось ни капли страха. Напротив, он хрипло рассмеялся:

— Вот... отлично. По крайней мере, теперь ты не прячешь свое истинное нутро.

— Как у тебя только язык поворачивается так говорить со своим учителем! — Пэй Таньцзы вздрогнул. Глядя на стремительно бледнеющее лицо Лян Сюаня, он все же разжал пальцы и отступил на шаг. Его дыхание сбилось. — Твой разум затуманен обидой, и я не стану уподобляться тебе и спорить. Слуги! Проводите Вэйцы-цзюня в его покои. Пусть отдохнет.

Завидев нерешительно приближающихся слуг, Лян Сюань небрежно махнул рукой, заставляя их застыть на месте.

— Проваливайте. Моя голова ясна как никогда. С тех самых пор, как я разнес крышку вашего проклятого гроба, я не чувствовал себя настолько живым и зрячим.

— И куда же ты пойдешь, покинув родную обитель?! — вскипел Пэй Таньцзы. — Ради какого-то Син И, ради презренного демона ты смеешь плевать в лицо тому, кто вырастил тебя?! Или моя безграничная забота сделала тебя столь самонадеянным, что ты позабыл, где твое место?!

Лян Сюань покачнулся, но сильные руки Шэнь Гумина тут же подхватили его под локоть, не дав упасть. Мужчина осторожно потер израненную шею, а заметив испуг и ярость в глазах юноши, ласково взъерошил его волосы.

— Ради кого я живу и что делаю — это только мое собачье дело, и нечего совать сюда свои праведные носы. «Демон, порождение тьмы»... Спроси себя сам: неужели ты возненавидел Син И только из-за его пути? Можешь вешать эту лапшу на уши своим глупым адептам, но со мной этот фокус не пройдет. А что до твоего вопроса, куда я пойду... Что ж, я отвечу прямо сейчас.

Он щелкнул пальцами. Тотчас же с потолочной балки спорхнул маленький голубь с нежно-желтыми перышками. Лян Сюань протянул руку, и Тан Тянь, тихо воркуя, опустился на его палец.

— Это же... — нахмурился мастер Ван Кун, вглядываясь в птицу.

— Дочь Тан Ци и Бай Цзю, — спокойно произнес Лян Сюань. — Не так давно я наведалься в Долину радостных кошмаров и застал безвременную кончину обоих владык. После того как я покарал их убийц, они перед смертью вверили мне заботу о своем единственном дитя. Надеюсь, твоего хваленного ума хватит, чтобы уловить скрытый смысл моих слов?

Произнося первую фразу, он ласково смотрел на крохотную голубку, но на последних словах его колючий взгляд впился прямо в лицо Пэй Таньцзы.

На его мертвенно-бледной шее багровели свежие следы от чужих пальцев, выглядевшие на светлой коже пугающе и отчетливо.

Любой другой на его месте прикусил бы язык, едва почуяв запах крови, но Лян Сюань принадлежал к иной породе безумцев. Ему и дела не было до собственных ран — он словно намеренно подставлял горло под острую сталь, лишь бы высказать все до конца. Даже неминуемая гибель не заставила бы его отказаться от ядовитой колкости.

Но если сам он презирал опасность, то стоящий рядом юноша едва дышал от ужаса. Шэнь Гумин вцепился в его ладонь мертвой хваткой, стискивая пальцы все сильнее, словно пытаясь удержать ускользающую жизнь.

Решив, что парень попросту до смерти напуган мощью верховного старейшины, Лян Сюань попытался мягко задвинуть его себе за спину. Но стоило ему оттеснить юношу назад, как тот упрямо делал шаг вперед. Он толкал его — Шэнь Гумин снова прижимался к нему плечом. Похоже, этот несносный мальчишка сознательно напрашивался на верную гибель.

— Вэйцы-цзюнь, хотите сказать, что вы намерены примкнуть к Долине радостных кошмаров? — раздался звонкий девичий голос. Спросившей оказалась Цзи Шаочжоу, стоявшая подле главы павильона Лу. Однако не успело затихнуть последнее слово, как хозяйка павильона одарила ее суровым взглядом и строго оборвала: — Шаочжоу, не мели чепухи!

Лишь сейчас Лян Сюань сумел воскресить в памяти полное имя этой девицы. Цзи Шаочжоу, преданная служанка хозяек Павильона Циюй. Родословная у нее, конечно, была неказистая, зато характер — золото: отзывчивая, прямая, без капли зависти или обычного женского коварства. Из тех редких персонажей второго плана, что никогда не вставляют палки в колеса главным героям и потому вызывают искреннюю симпатию.

Девица зрела в самый корень. Он действительно собирался плюнуть на Цинсяо и уйти к демонам. Вот только становиться рядовым прихвостнем Лян Сюань не планировал — если уж влезать в это болото, то сразу на правах хозяина.

— Отныне это Долина Бавана, — ровно поправил он.

Таким незамысловатым образом в тот же день Долина радостных кошмаров прекратила свое существование, уступив место Долине Бавана, полноправным владыкой которой провозгласил

себя Вэйцы-цзюнь. Огласив свое решение, Лян Сюань с нескрываемым наслаждением устался на Пэй Таньцзы. Чем сильнее темнело от ярости точеное, словно изо льда высеченное лицо старейшины, тем слаще становилось у него на душе.

Пэй Таньцзы явно жаждал силой заставить его остаться, однако ноги у Лян Сюаня были собственные, и удерживать его на глазах у всех именитых орденов праведного пути, заковывая в цепи, было бы верхом неприличия. Поняв, что силой делу не поможешь, Почтенный Хуачэнь глухо, со скрытой болью выдохнул:

— Неужели ты действительно готов отречься от своего учителя? Ты ведь прекрасно знаешь, как преданно я...

— Безумно тронут твоей заботой, великий старейшина, для меня это величайшая честь, — Лян Сюань картинно прижал руки к груди в шутливом поклоне. В глазах Пэй Таньцзы на миг блеснула слабая надежда, но в следующее мгновение тон Лян Сюаня изменился, став острым и безжалостным, словно удар кинжала под самое сердце: — Разумеется, я признаю тебя своим учителем. Как иначе я смогу однажды тебя прикончить?

Хлесткий удар ладони разорвал воздух. Звук пощечины эхом прокатился по залу, заставив сердца присутствующих испуганно пропустить удар. Все вокруг погрузилось в мертвую, зловещую тишину.

Никто не смел издать ни звука. Даже Цюй Цинъюэ, знавший характер учителя лучше прочих, застыл как изваяние. И хотя удар пришелся не по их лицам, леденящая ярость Почтенного Хуачэня сковала волю каждого заклинателя в зале.

Один лишь Лян Сюань сохранял абсолютное спокойствие. Его голову лишь слегка откинуло в сторону от удара. Ни слез, ни истерик, ни удивления, ни ответной ярости. На бледной щеке стремительно наливался багровый след от пальцев, кожу нещадно жгло и ломило от боли, однако мужчина торжествующе и издевательски усмехнулся.

Заметив, что Пэй Таньцзы вновь заносит руку для удара, Шэнь Гумин побелел от гнева и, затаив дыхание, решительно заслонил собой Лян Сюаня. Главы остальных орденов тоже поспешили вмешаться, не желая допустить кровопролития, и окружили дрожащего от ярости старейшину.

Удерживая разгневанного Почтенного, заклинатели наперебой принялись уговаривать Лян Сюаня не рубить с плеча. Мол, между учителем и учеником всякое случается, недопонимания неизбежны, и любую ссору можно уладить мирным разговором за пиалой чая.

Вот только никакого недопонимания здесь не было, и Лян Сюань знал это лучше кого бы то ни было. Никогда прежде пропасть между ними не зияла столь очевидно. Чем крепче была их бывшая связь, тем больнее и грязнее оказался сегодняшний разрыв.

Пиршество захлебнулось в собственном величии. Пэй Таньцзы изначально планировал лично вернуть бывшему преемнику его легендарный клинок Цзихуа, но теперь старейшина лишь тяжело, со свистом хрипел, содрогаясь от ярости. Провожая взглядом удаляющийся белый силуэт, он с силой швырнул драгоценные ножны на каменный пол. Раздался резкий лязг металла, и тяжелые створки врат с грохотом захлопнулись за беглецами.

Цзихуа. Трехфутовый меч с тончайшим, почти прозрачным лезвием, словно высеченным из чистейшего векового льда. Острый, безжалостный и прекрасный в своем холодном блеске.

Когда маленький бессмертный господин помог Лян Сюаню взобраться в повозку, у обочины их нагнал Цюй Цинъюэ. Бережно держа в руках брошенный клинок, он протянул его хозяину и тихо спросил, не стоит ли послать к алхимику Сыту Чэ за целебными снадобьями, дабы тот укрепил истощенные каналы перед дальней дорогой.

Эти слова лишь разбередили рану. Лян Сюань тут же вспомнил о той удушающей чужеродной силе, которую Пэй Таньцзы бесцеремонно влил в его меридианы во время застолья. Вырвав Цзихуа из рук названного брата, он единым волевым усилием резко заставил собственную ци взбунтоваться, изгоняя чужое присутствие. Едва порозовевшие щеки вновь сделались мертвенно-белыми, изо рта вырвался хриплый вздох, но он лишь слабо улыбнулся:

— Вот теперь... полегчало.

Ноги его подкосились, и если бы Цюй Цинъюэ вовремя не подхватил его под мышки, он рухнул бы прямо в дорожную пыль.

— Да с тобой разговаривать невозможно, чистое безумие! — в сердцах воскликнул Цюй Цинъюэ. Извлекая из широкого рукава изящный фарфоровый флакон, он сунул его прямо в руки Шэнь Гумину и коротко бросил: — Это мазь из линчжи. Смазывай ему шею дважды в день.

Но юноша не успел даже коснуться сосуда — Лян Сюань перехватил его на лету и насмешливо покрутил перед глазами:

— Что за дрянь? Моему малютке не пристало брать подачки от чужаков.

С этими словами он разжал пальцы, позволяя флакону сорваться в бездну ущелья.

Проводив взглядом белый кругляк, прыгающий по острым камням и канувший в туманную кручу, Цюй Цинъюэ на мгновение лишился дара речи. Но уже в следующую секунду его лицо исказила ярость:

— Вэйцы! Ты что, окончательно с катушек съехал?! Хочешь уйти из школы Цинсяо — катись! Злишься на учителя — твое право! Но зачем калечить самого себя?! Посмотри, во что ты

превратился! Ты хоть понимаешь, какому насилию подверг свое тело с тех пор, как восстал из мертвых?! Разделение сознания ради проникновения в тайное царство, использование Жетона собирания душ, ожоги души от яростного пламени, ледяной плен Источника Ханьчуань... Ты что, возомнил себя бессмертным божеством из железа и стали?! Если бы не кулон из нефрита драконьей крови, что уберег твое сердце и вернул с того света, ты бы уже...

— Старший брат, — Лян Сюань устало прикрыл веки. То ли от невыносимой слабости, то ли от безразличия его голос звучал неестественно тихо, почти бесплотно. — Ты сам только что признал: меня спас нефритовый кулон. Так о какой заботе ордена может идти речь? Когда я заживо горел в бездне, когда захлебывался кровью и молил о помощи, рядом не было никого из вас. Никто не пришел, никто не протянул руки. Но стоило шторму утихнуть, как вы тут же нацепили личины любящих братьев, лезете со своей фальшивой жалостью и суετε бесполезные склянки.

Он горько усмехнулся, устремив тусклый взгляд в небо.

— Если я приму этот дар, вы решите, будто долг уплачен и все вернулось на круги своя. А если откажусь — вздумаете читать мне нотации и обвинять в капризах. Какое лицемерие... Покорнейше благодарю за вашу щедрость. Но мне от вас ничего не нужно.

<http://bllate.org/book/18178/1752509>